

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Е. А. Андреева
г. Москва, Россия

**ЛЕТОПИСНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ УБИЕНИИ БАТЯЯ
В ВЕНГРИИ: СЮЖЕТ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)**

Аннотация: Повествование о гибели Батяя в Венгрии, помещенное в Никоновскую летопись под 1246 г., является ярким и неординарным произведением древнерусской литературы с точки зрения сюжета и жанра. В его основе лежит не реальное историческое событие (Батый умер в 1255 или 1256 гг.), но легендарное повествование о том, как Батый потерпел поражение от некоего венгерского короля Владислава, что явилось наказанием за содеянное ранее с русскими князьями Михаилом Черниговским и Ярославом Всеволодовичем, убитыми в ставке хана. Автор текста, по предположению историков, Пахомий Серб, включил в повествование различные символические и лирические отступления, внес фольклорные мотивы. Основная идея произведения — возможность победить врага, одолеть монголо-татар — диктует выбор формы, поэтому текст, рассказывающий о гибели Батяя, — неоднородное в своей жанровой сущности произведение. Из предлагаемых исследователями жанровых определений: повесть, слово, сказание — наиболее точным можно считать последнее. В сказаниях, в отличие от повестей, хотя и действуют исторические личности (хотя в тексте исторические фигуры весьма условны) и центром повествования является одержанная над врагом победа, однако легендарные, вымышленные события, мотивы становятся доминирующими. Необычность выбора темы (рассказ о гибели врага), яркая образность, эмоциональная напряженность, нарушение исторической точности в целях утверждения конкретной идеи приводят к появлению произведения, которое сложно отнести к конкретной замкнутой жанровой форме, налицо взаимодействие жанров.

Ключевые слова: древнерусская литература, летопись, Орда, хан, сюжет, жанр, повесть, сказание.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Дата поступления статьи: 26.10.2018

Дата публикации: 28.03.2019

Для цитирования: Андреева Е. А. Летописное повествование об убиении Батыя в Венгрии: сюжет и жанровые особенности (на материале Никоновской летописи) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 90–98.

«Повесть о убиении Батыя» или «Слово об убиении злочестивого царя Батыя» (БЛДР) является ярким и необычным памятником древнерусской литературы XV в. Текст бытует в составе поздних летописей: Никоновской, Тверской, Ермолинской, Типографской — причем очевидна его идейная связь с житием Михаила Черниговского, вслед за которым он помещается, и преданием о Савве Сербском, включенным внутрь текста. Это дало возможность предположить, что автором произведения является Пахомий Серб.

Подробный обзор исторических источников, положенных в основу рассматриваемого текста, сделали в своих работах С. П. Розанов, А. А. Горский, А. В. Майоров. Особое внимание исследователи обращали на то, что произведение вобрало в себя элементы народной культуры: южнославянских песен, былин. Этим оно и отличалось от окружающих его летописных текстов. Ученые высказывали предположения о цели создания текста: демонстрация возмездия Батыю [7, с. 127–128], явившемуся виновником гибели Михаила Черниговского, описание справедливого наказания за гибель невинного князя, отказавшегося отречься от веры в ставке хана. В исследовании С. П. Розанова [5] были рассмотрены все известные тексты произведения и выделены две основные редакции — летописная и минейная.

Исторической основой памятника послужили два похода монголо-татар на Венгрию: в 1241 и 1285 гг. И если первый из них, возглавляемый Батыем, был успешен, венгры потерпели сокрушительное поражение на реке Шайо, король венгров бежал из страны; то второй поход никак не мог проходить под предводительством Батыя, который к тому времени давно уже скончался, сам же поход оказался не столь успешным, так как ордынцы сначала захватили часть Венгрии, но понесли в итоге тяжелые потери [1, с. 197–199]. В любом случае оба эти события в не переработанном древнерусским автором виде имеют весьма опосредованное отношение к гибели Батыя: в первом походе он был предводителем, но одержал победу; во втором походе участвовать не мог по объективным причинам.

Тем не менее о гибели Батыя в тексте Никоновской летописи сообщается дважды (под 6755 и 6756 гг., т. е. речь идет о 1247 и 1248 гг.). В то время Батый уже завершил свой победоносный поход на Запад и в большей степени погрузился во внутривосточные дела, включился во вражду с избранным на курултае в 1246 г. ханом Гаюком. Выступивший в поход против Батыя Гаюк неожиданно умер в 1248 г., историки предполагают, что в его смерти мог быть замешан Батый, чьи сторонники могли отравить хана. На следующем курултае был избран лояльный к Батыю хан Мунке, фактическим соправителем которого стал Батый, оставшийся править в Сарае, в то время как Мунке правил в Каракоруме. В 1246 г. в Орде происходят два значимых для Руси события: погибают в ставке два князя — Ярослав Всеволодович и Михаил Черниговский. Ярослав Всеволодович был изначально лояльно настроен по отношению к власти монголо-татар и неоднократно бывал в ставке хана, а также присутствовал на курултае, избравшем хана Гаюка. По предположениям западных источников, Ярослав Всеволодович был отравлен сторонниками Гаюка, в русских летописных источниках — казнен в ставке Батыя по наговору представителей другого удельного княжества. В этом же году погибает

Михаил Черниговский с боярином Федором, отказавшиеся подчиняться ордынским обычаям.

Батый умер в 1255/1256 гг., т. е. после совершившихся событий прожил еще около 10 лет. Тем не менее два сообщения о нем появляются в Никоновской летописи после рассказов о Ярославе Всеволодовиче и Михаиле Черниговском. Причем первое сообщение краткое и лаконичное с констатацией факта смерти и рассказом о предшествующем этому событию — походе на венгров: «Того же лѣта злочестивый царь Батый со многими воинствы поиде ратью на западные Угры, къ вечернимъ странамъ, ихже преже не доходи, и многи грады разбиваша и плѣняше, и никто не можаше противу его стоати, и многихъ князей и воеводъ живыхъ поймавъ посла къ сыну своему Сартаку; и стоаше тамо лѣто все воеваше и плѣняше, мечю и огню всѣхъ предаше непокаряющихся ему» [2, с. 135]. Описание данного похода в целом соответствует происходившему в 1241 г., когда армия Батыя одержала победу над венграми. Но почему события 1241 г. оказались в летописной статье за 1247 г.? Возможно, в Никоновской летописи они служат завязкой повествования, помещенного под следующим годом.

Вторая запись (1248) занимает значительную часть погодной статьи и превращается в подробное повествование об убиении Батыя. Она открывается природным предзнаменованим: «Бысть знаменіе въ лунѣ: бысть кровава вся и погибе» [2, с. 135]. Кровавая луна и ее последующее исчезновение (затмение) ассоциируются с надвигающейся бедой, создают чувство тревоги, являются предсказанием дальнейших событий.

А далее автор практически дословно повторяет то, о чем было сказано в предшествующей погодной записи. Правда, во второй раз не дается прямая оценочная характеристика главному герою повествования (вместо «злочестивый царь» просто «царь»), названо конкретное географическое место, где остановилось войско Батыя (град Вардин).

Топонимическое упоминание сопровождается отступлением, не имеющим прямого отношения к главному конфликту произведения — противостоянию двух армий, а носящим описательный характер. Вставным элементом повествования является воссоздание пейзажа упомянутой местности: «...около же его мало простыхъ древесъ бѣ, но вся древеса винограднаа, изобиліемъ точящъ всякого овощіа и всякого вина. Градь же весь отовсюду водами обведень, и зѣло крѣпокъ, и отъ сея крѣпости не боящася никого же; среди же града стоаше столпъ камень зѣло превысокъ» [2, с. 135]. С одной стороны, пейзажная зарисовка: нет деревьев, виноградные лозы, вода, с другой — оценка местности с точки зрения военного человека. Автор отмечает положительные и отрицательные стороны подобного расположения города для его защитников и захватчиков. Отсутствие деревьев делает местность открытой и легко просматриваемой на дальнее расстояние. Обилие виноградников — это пища и питье, которые могут пригодиться двум противостоящим сторонам. Город окружен рвом и крепкими стенами, значит, будет проще обороняться и труднее осаждать. Последнее сообщение о наличии в городе высокого каменного столпа отсылает к понятию столпа «как твердыни, опоры или оплота чего-либо» [6, с. 212]. Столп в центре города говорит о крепости, твердости, намекает на молитвенный подвиг, в какой-то мере противостоит лунному затмению, предвещающему несчастью. Столп же, один из главных житийных топосов, проявляющийся как огненный или светящийся (нематериальный), выявляющийся при аналогии «святой – столп терпения», являющийся местом молитвенного подвига святого (материальный образ). Таким образом, пейзаж в тексте несет в себе как важное топонимическое (определяющее стратегию битвы), так и отчасти символическое значение.

После рассказа о месте предполагаемой битвы, автор пишет о венграх и их предводителе, короле Власлове. Во время похода монголо-татар в 1241 г. страной правил король Бела IV (1235–1270), а во время похода 1285 г. — Ласло IV Кун (1272–1290), поэтому речь никак не могла идти о Беле IV (даже если предположить, что имена были перепутаны), бежавшем с поля боя в битве на реке Шайо, в биографии Ласло IV также нет тех сведений, о которых идет речь в рассматриваемом тексте. С. П. Розанов предположил, что в основу образа Власлова, о котором идет речь в повествовании о гибели Батыя, легли легенды о Владиславе (Ласло) I Святом, правившем в 1077–1095 гг., т. е. за два столетия до описываемых событий [1, с. 193]. Власлов в тексте назван самодержцем и королем «Угромъ, и Чяхомъ, и Нѣмцемъ, и всего Поморіа и до великаго моря» [2, с. 135]. Этим подчеркивается значимость правителя и возможность его, обладая большим войском, состоящим из представителей разных народов, противостоять монголо-татарам.

На стороне победителя должно быть не только земное воинство, но и высшая сила, поэтому автор подробно пересказывает историю возвращения короля к истинной вере: «Бѣху же Угры въ православіи преже, понеже святое крещеніе пріали отъ Грекъ, не успѣли же на свой языкъ грамоту изложити, Римляне же близъ суще приложиша ихъ къ своей ереси, и оттолѣ даже и до днесь во единствѣ съ ними суть» [2, с. 135]. Налицо противостояние вер, в котором автор полностью стоит за веру православную, перенятую от греков. Католики же, в оценке древнерусского писателя, воспользовались ситуацией: вера еще только утверждалась, книги еще не были переведены, а они стали проповедовать свое учение, названное в тексте «ересью», от которого венгры так и не смогли отойти, вернувшись к православию. Но переломным моментом для короля Власлова стало появление святого архиепископа Саввы Сербского (ок. 1169–1236), благодаря просветительской деятельности которого король смог ступить на путь истинной веры: «...поучая его о православіи Греческаго закона, мѣсяцевъ 5» [2, с. 135], Савва оставил у короля одного из православных священников, дабы тот продолжал наставлять правителя и следил за тем, чтобы он опять не впал в ересь, прежде окрестив Власлова во Владислава.

Автор повествования сравнивает двух предводителей войск. Батый предстает грозным, жестоким разрушителем городов и безжалостным по отношению к побежденным. При этом он хороший стратег, умеет быстро принимать правильные тактические решения: «Батый же наипаче благополучно время обрѣтъ, творяше елика хотяше» [2, с. 135]. В своих действиях он рассчитывает только на себя. Что же касается короля Владислава, то он близок к поражению, потому что совершает главную тактическую ошибку: он не успел собрать войско. Поэтому пока Батый осаждает город и выжидает, Владислав обращается за помощью к высшим силам: «...краль же Владиславъ многи дни пребываше на предреченнѣмъ столпѣ въ велицѣ скорби, ни хлѣба ни воды вкушаа, и моляше Христа Бога со влезми, да преложитъ гнѣвъ свой на милость и избавитъ его отъ враговъ его» [2, с. 135–136]. О подобном поведении короля, его беспрестанных молитвах и просьбах, обращенных ко Господу, будет сказано еще неоднократно.

Результатом его горячих обращений станут два явленных чуда. Слезы короля, текущие «отъ очію его, яко рѣчнымъ быстринамъ, и идѣже падаху на мраморіе прохажуху на сквозь, еже есть и до сего дне видѣти на томъ столпѣ на мраморіехъ» [2, с. 136]. Текущие обильно и быстро из глаз слезы прошли сквозь камень и отпечатались на поверхности. Это первое предвестие того, что высшие силы откликнутся на призыв

короля, что победа окажется на его стороне: «И отъ сего познаша иже съ нимъ сущіи панове и вси предстоащіи ему помощи и милости Божіей быти» [2, с. 136].

Второе чудо — появление некоего «человека», который оказался «свѣтель зѣло и страшень» перед королем и заставил окружающих устрашиться и вострепетать. Этот «человек» открыто обещает королю поддержку Господа в борьбе с Батыем, но как бы пристально ни вглядывались люди и ни пытались разглядеть его лицо, так и не смогли увидеть. Очевидно, что речь идет об ангеле, а его появление символизирует то, что Господь услышал молитвы короля. Но ангел оказывается «страшен», его боятся, перед ним трепещут. Здесь находит отражение представление о грозном ангеле, образ которого, по словам С. С. Аверинцева, соотносится с типом грозной святости, не допускающей послабления, снисхождения к человеческим слабостям [4, с. 207]. Такой ангел требователен к тому, к кому обращены его слова, и настаивает на немедленном исполнении воли Божией. Спустившись со столпа, Владислав обретает оседланного коня и секиру и сразу же со своими воинами отправляется в стан Батыя.

Ситуация резко меняется: сначала Владислав не сумел собрать войско и потому был осажден в городе, теперь то же самое происходит с Батыем и его войском: «.. вси бо Татарове его въ загоны разыдошася, елицы же съ нимъ сущіи Татарове въ той часъ гнѣвомъ Божіимъ побѣжени и быша яко мертви, и бѣжаша съ великымъ срамомъ» [2, с. 136]. Автор неоднократно подчеркивает, что ключевым моментом борьбы стало вмешательство высших сил: они изначально против Батыя (начиная с момента лунного затмения). Божья помощь приходит к Владиславу лишь после возвращения к истинной вере и многодневных молитв, поста и смирения.

Поединок Владислава и Батыя передан не столько в форме воинской повести, сколько в форме повествования, включающего фольклорные мотивы. Автора интересует в большей степени не гибель предводителя монголо-татар, но ситуация с сестрой короля Владислава: в гибели Батыя сомневаться не приходится. В тексте трансформируется известный сюжет, книжная версия которого отражена в Волоколамском патерике, о неверной жене, изменившей храброму воину с татарским князем. Однако вместо жены фигурирует сестра венгерского правителя, которая бежала в город к брату, чтобы укрыться от врагов, но была схвачена татарами. В исходном варианте воин пытается спасти жену, взяв с собой секиру и верного пса, король Владислав также использует секиру, но вместо пса появляется конь. Женщина в обоих случаях становится на сторону врага и погибает вместе в нем [3, с. 139]. Таким образом, Владислав побеждает своих врагов: Батыя и переметнувшуюся на его сторону плененную им сестру.

Дальнейшая судьба татарского войска предсказуема: вернувшись в станы, они не ведали о случившемся, потому их застали врасплох, монголо-татары вынуждены были отдать добычу («Угри же полонъ у нихъ взимаху»), а сами были преданы смерти. Единственной возможностью остаться в живых для захватчиков стало принятие христианской веры. Утверждая на протяжении всего текста важную роль высших сил в описываемых событиях, автор еще раз приходит к выводу: «Тако убо Господь Богъ сътвори своею невидимою силою, смерти предаде нечестиваго царя и всю безчисленую его силу, и збысться писаніе, глаголющее: мнѣ отмщеніе Азь воздамъ, глаголетъ Господь» [2, с. 136]. Подобное утверждение как раз и дает возможность увидеть в рассматриваемом памятнике определенный посыл: виновный в несправедливых казнях и решениях будет наказан, но не человеком, а высшим судом. Ведь наказан не только нечестивый Батый, но и все его войско — войско захватчиков. В данном контексте это произведение является иллюстрацией утверждения о том, что монголо-татар можно одолеть, но сде-

лать это нужно определенным образом, заручившись поддержкой свыше. В этом же заключении истории Батыя — логически верный конец владыки, решившего завоевать чужую землю и не увидевшего страшного предзнаменования, положившегося только на свою силу и верящего, что именно напором можно одолеть противника. Особенно актуально, по мнению А. А. Горского, это могло стать именно в XV в., во время правления Ивана III, когда «сюзеренитет хана Золотой Орды» стал подвергаться сомнению [1, с. 214].

В память о свершившемся, по словам автора, была создана медная статуя короля Владислава на коне с секирой в руке и водружена на тот самый столп, стоящий посередине города «на видѣніе и память послѣднему роду» [2, с. 136].

В центре рассмотренного нами повествования, рассказывающего о гибели Батыя, очевидно, должен находиться предводитель войска монголо-татар, однако прямые и косвенные характеристики на протяжении текста встречаются редко и в целом повторяют характеристики любого врага. Лишь дважды (в двух погодных записях) встречается непосредственная и при этом традиционная для текстов древнерусской литературы характеристика — «злочестивый» и «нечестивый». Причем первое определение дается до начала основных событий, а второе — уже после гибели Батыя. На протяжении всего текста он именуется «царем», что не противоречило общим нормам обращения к золотоордынским правителям, власть которых на Руси признавалась. Образ Батыя воссоздается через поступки, на которые накладываются те злодеяния, которые он совершил прежде (речь идет о нападении на русские города, об убитых русских князьях). Он изначально мыслится как герой отрицательный, не заслуживающий оправдания.

По этой причине на первый план выходит образ положительного персонажа, короля Владислава, главными заслугами которого являются осознание необходимости вернуться к истинной вере предков и руководствоваться божьим произволением. С одной стороны, он смиренный и кроткий человек, проводящий долгие часы в молитвах, с другой — воин и победитель. Король Владислав проходит проверку, он стоит перед выбором: спасти сестру или одолеть врага. Фактически он совершает выбор между земной привязанностью и высшим предназначением. Его руками Бог наказывает злочестивого Батыя.

Основная идея произведения — возможность победить врага, одолеть монголо-татар — диктует выбор формы, поэтому текст, рассказывающий о гибели Батыя, — яркое, эмоциональное, неоднородное в своей жанровой сущности произведение. Изданное в 12 томе БЛДР произведение (входящее в состав Великих Миней Четых митрополита Макария) озаглавлено как «Слово об убиении злочестивого царя Батыя», изданный А. А. Горским текст из Архивской летописи — «Повесть о убиении Батыя». Исследователи неоднозначны в определении жанровых особенностей памятника, называя его то словом, то повестью, то сказанием.

Налицо взаимодействие различных жанровых моделей. Так как основной идеей является возможность одолеть сильного и могучего врага, то для реализации ее необходимо заручиться поддержкой высших сил, обратиться за помощью к Богу. Вставными элементами текста становятся знамение, предрекающее гибель войска Батыя, и два чуда, подтверждающие готовность Господа поддержать короля Владислава в борьбе с захватчиками. Чудеса объясняют ход дальнейших событий, при этом становятся самостоятельными микросюжетами, приобретают яркие изобразительные черты. В подробных версиях (например, в составе Архивской летописи) в текст памятника включаются многочисленные молитвы, обращенные к Богу.

Лирические и символические вставные элементы переплетаются с элементами воинского повествования, так как кульминационным событием памятника является победа над монголо-татарами и смерть Батыя. В целом трехчастная канва воинской повести прослеживается: повествование о подготовке битвы, описание самого сражения и рассказ о последствиях военных действий. Однако из текста исчезает точность, хронологическая выверенность, оказывается, что описываемые события не могли происходить в то самое время, в тот год, под которым они помещены в летописном повествовании. Так воинское повествование обрастает легендарными подробностями, хотя и продолжает включать в себя воинские формулы в небольшом количестве: «вмалѣ», «гнѣвомъ Божіимъ гонимъ», «помощію Божию одолѣвъ» [2, с. 136]. Наличие символических элементов характерно для воинского повествования, и чудеса, и знамение оказываются тесно связаны с замыслом произведения.

Немаловажное значение имеют и фольклорные мотивы. В. О. Ключевский полагал, что в основе повествования лежит народная южнославянская песня, которую обработал Пахомий Серб. Подобную мысль подтвердил и развил М. Г. Халанский, который отметил сходства произведения с народной южнославянской песней о Батые, а также с известным у сербов, болгар, малороссов и великороссов сказанием, в котором, правда, фигурировала не сестра главного героя, а жена или невеста. Исследователь видит прямое сходство былины об Иване Годиновиче с повествованием о гибели Батыя [8, с. 111–126]. Фольклорные элементы вносят в текст сюжетную напряженность и эмоциональность, подчеркивают веру в торжество справедливости и добродетели.

Есть в тексте и предельно краткая вставная история об архиепископе Савве Сербском, наставившем короля на путь истинной веры, и появляющееся вместе с ним противопоставление православия и католичества. Трудно назвать этот эпизод полноценным размышлением о вере или словом, призывающим следовать за истинным учением и не отклоняться от него, прельстившись уговорами и посулами. Однако смысл этой вставки вполне очевиден: в ней утверждается Божье покровительство королю Владиславу, раскаявшемуся в отступничестве, а соответственно, отсутствие шансов на победу у Батыя и его войска.

Таким образом, перед нами произведение, насыщенное различными символическими элементами, структурно напоминающее воинскую повесть, эмоциональное по содержанию, с яркими фольклорными образами. При выборе между тремя жанровыми определениями, текст логичнее всего отнести к жанру сказания. В сказаниях, в отличие от повестей, хотя и действуют исторические личности (хотя и очевидно, что Батыю не мог противостоять тот самый Владислав, о котором идет речь) и центром повествования является одержанная над врагом победа, легендарных, вымышленных событий, мотивов гораздо больше, чем это возможно встретить в повестях. Несмотря на важную идею, заложенную в основе произведения, оно не риторично, не призывает к чему-то открыто и не дает конкретных рассуждений по какой-то проблеме. Сюжетность, описание ситуаций и поступков героев не дают возможности отнести данный текст к жанру «слова».

Примкнувший к древнерусскому произведению о гибели Михаила Черниговского в Орде и попавший в поздние летописные своды текст о смерти Батыя с уверенностью можно рассматривать как самостоятельный литературный памятник. Необычность выбора темы (гибель хана), яркая образность, насыщенность его различными вставными элементами, эмоциональная напряженность, нарушение исторической точности в целях утверждения конкретной идеи делают произведение многоплановым и неоднознач-

ным. Налицо беллетристическое повествование, которое сложно отнести с конкретной замкнутой жанровой форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Горский А. А. «Повесть о убиении Батыея» и русская литература 70-х годов XV века // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2001. Вып. 3. С. 191–221.
- 2 Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1885. Т. 10. 244 с.
- 3 Майоров А. В. К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батыея» // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2014. Вып. 11. С. 105–146.
- 4 Малэк Э. Образы ангелов в древнерусской письменности (ангелы грозные, тихие и милостивые) // ТОДРЛ. СПб.: Изд-во АН, 2003. Т. 54. С. 201–210.
- 5 Розанов С. В. «Повесть об убиении Батыея» // ИОРЯС. 1916. Т. 21. Кн. 1. С. 109–142.
- 6 Руди Т. Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // ТОДРЛ. СПб., Изд-во АН, 2004. Т. 55. С. 211–227.
- 7 Серебрянский Н. Н. Древнерусские княжеский жития. М.: Синодальная тип., 1915. 175 с.
- 8 Халанский М. Г. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава: Тип. М. Зенкевича, 1885. 237 с.

***

© 2019. Ekaterina A. Andreeva
Moscow, Russia

THE NARRATION OF BATU KHAN'S MURDER IN HUNGARY: SPECIFICITY OF GENRE AND PLOT (BASED ON THE NIKON CHRONICLE)

Abstract: The narration of Batu Khan's death in Hungary, inserted into the Nikon chronicle in 1246, is the brightest and extraordinary piece of art of Old Russian literature in terms of the plot and the genre. The basis of the story is not a real historical event (Batu Khan died in 1255 or 1256), but a legendary telling of Khan's defeat from a Hungarian king Vladislav that came to be the punishment for previous deaths of Russian princes Michail Chernigovsky and Yaroslav Vsevolodovich. The author of the text, Pachomi Serb, as historians suppose, included various symbolic and poetical parts alongside with folk parts in the narration. The main idea of the writing — the opportunity to defeat the enemy and overcome Tartar-Mongols — determines the choice of the literary form thus the text telling about Bath's death is inhomogeneous in its genre. The researchers involve such definitions as “a tale”, “a word” and “a story” for the genre's definition. Arguably the most suitable notion is the latest word. Although we meet historical figures (albeit conditional in the text), and, in legends in comparison with stories the centre of narrative is the victory — legendary and fictional events dominate. Unusual choice of topic (the narration of the enemy's death), bright imagery, emotional tension, violation of historical accuracy in order to confirm a specific idea lead to the emergence of a piece of work that is very difficult to define in terms of a specific genre, thus the author arrives at the conclusion about the genres' interaction.

Keywords: Old Russian literature, chronicle, the Horde, khan, genre, plot, legend.

Information about author: Ekaterina A. Andreeva — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Received: October 26, 2018

Date of publication: March 28, 2019

For citation: Andreeva E. A. The narration of Batu khan`s murder in Hungary: specificity of genre and plot (based on the nikon chronicle). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 51, pp. 90–98. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Gorskij A. A. “Povest' o ubienii Batyia” i russkaia literatura 70-kh godov XV veka [“The Tale of Batu Khan`s Murder” and Russian literature of 70s of the 15<sup>th</sup> c.]. *Srednevekovaia Rus'* [Medieval Rus`]. Moscow, Indrik Publ., 2001, vol. 3, pp. 191–221. (In Russian)
- 2 *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu* [Chronicle collection named the Patriarch`s or Nikon chronicle]. St. Petersburg, Tipografia Eduarda Pratsa Publ., 1885, Vol. 10. 244 p. (In Russian)
- 3 Maiorov A. V. K voprosu ob istoricheskoi osnove i istochnikakh “Povesti o ubienii Batyia” [More on the historical basis and sources of the “Tale of Batu khan`s murder”]. *Srednevekovaia Rus'* [Medieval Rus`]. Moscow, Indrik Publ., 2014, vol. 11, pp. 105–146. (In Russian)
- 4 Malek E. Obrazu angelov v drevnerusskoi pismennosti (angelu groznue, tichie i milostivue) [Images of angels in Old Russian writing (formidable, quiet and merciful angels)]. *Trudu otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [Researches of the Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Izdatel'stvo AN Publ., 2003, vol. 54, pp. 201–210. (In Russian)
- 5 Rozanov S. V. “Povest' ob ubienii Batyia” [“Tale of the Batu`s murder”]. *Izvestia otdelenia russkogo jazuka i slovesnosti (IORJaS)*, 1916, vol. 21, book 1, pp. 109–142. (In Russian)
- 6 Rudi T. R. “Iako stolp nepokolebim” (ob odnom agiograficheskom topose) [Steadfast like a pillar (on one hagiographic topos)]. *Trudu otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [Researches of the Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Izdatel'stvo AN Publ., 2004, vol. 55, pp. 211–227. (In Russian)
- 7 Serebrianskii N. I. *Drevnerusskie kniazheskii zhitiia* [Old Russian princely hagiography: an overview of the editions and texts]. Moscow, Sinodal'naia tipografia Publ., 1915. Part 1. 175 p. (In Russian)
- 8 Halanskii M. G. *Velikorusskie byliny Kievskogo tsikla* [Great Russian epics of the Kiev cycle]. Warsaw, Tipografia M. Zenkevicha Publ., 1885. 237 p. (In Russian)